

Министерство культуры Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник»**

О попытке преобразования Кирилло-Белозерского монастыря из штатного в
общежительный при архимандрите Иакове

Л.И. Глызина

2015

Иноческая жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре с самого начала была устроена на основе общежительного устава.¹ Преподобный Кирилл Белозерский умел примирять строгие требования общежития и реалии жизни монашеской общины в суровых северных условиях, но уже в XV веке в обители начались отступления от общежительных порядков, ставшие весьма заметными в последующие столетия.² Кирилло-Белозерский монастырь перестал быть общежительным после церковной реформы, проведенной императрицей Екатериной II в 1764 году.

После секуляризации монастырских земель монашеские обители стали делиться по способу содержания на штатные, которые получали пособие от казны, и заштатные, существовавшие за счет собственных доходов. Штатные монастыри разделялись на три класса, различие между которыми состояло в величине получаемых средств и в престижности. Каждому насельнику штатного монастыря полагалось жалование, на которое он должен был обеспечивать себя одеждой, обувью, а иногда и пищей³.

В XIX и начале XX века сохранялось подразделение русских монастырей на общежительные и необщежительные. Общежительными обычно были заштатные монастыри. Современный исследователь истории монашества П.Н. Зырянов утверждает, что в общежительных обителях «монахи все необходимое получали от монастырей, а свой труд по священнослужению и различным послушаниям отдавали в пользу обители. Никто из монахов, даже настоятель, не мог иметь собственность в общежительном монастыре. В необщежительных же монастырях монахи, имея общую трапезу, одежду и прочие необходимые вещи приобретали сами. Они получали на руки жалованье и часть монастырских доходов, продавали произведения своего «трудоделания». Монахи необщежительных монастырей были теснее связаны с внешним миром, вступали с ним в разные имущественные отношения и, случалось, сильно подрывали сложившиеся представления о своей праведности».⁴

В XIX веке предпринимались попытки преобразования штатных монастырей в общежительные, поскольку образ жизни монахов в штатных монастырях не соответствовал аскетическим принципам монашества. Архиереи были вынуждены искать пути развития монастырской жизни в новых условиях. Стремясь к укреплению духовной жизни, митрополит Новгородский и Петербургский Гавриил (1730-1801) вводил в некоторых монастырях своей епархии (Валаамском, Валдайском Иверском, Тихвинском Большом, Кирилло-Новоезерском и др.) общежительный устав, составленный им самим по образцу Святогорского устава.⁵

В Российском государственном архиве древних актов хранится дело «О преобразовании Кирилло-Белозерского монастыря из штатного в общежительный», начатое 12 августа 1869 года и оконченное 30 января 1872 года.⁶

Кирилло-Белозерская обитель имела статус штатного монастыря первого класса. Деньги на содержание Кирилло-Белозерского монастыря поступали из Кирилловского уездного казначейства два раза в год, в конце июня и в конце декабря. В приходно-расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря за 1865 год отмечено, что 30 июня было выдано жалование настоятелю и братии за первую половину года: настоятелю архимандриту Феофану – 85 рублей 80 копеек, наместнику иеромонаху Вонифатию – 10 рублей ½ копейки, исправляющему должность казначея иеромонаху Иосифу – 5 рублей 1 копейка. Духовник монастыря иеромонах Сергий, ризничий иеромонах Иона, иеромонахи Иларион, Макарий, Нил, Сосипатр, иеродиаконы Вениамин, Иннокентий и Владимир, диакон Василий Разумовский, а также монахи Иринарх, Митрофан и Иларий получили по 3 рубля 45 копеек, иеродиакон Петр и монах Серафим – по 2 рубля 87,5 копейки. Девятнадцати послушникам было выдано по 2 рубля 86,5 копейки, одному – 1 рубль 92 копейки⁷.

В 1869 году Святейший Правительствующий Синод рассматривал докладную записку синодального обер-прокурора графа Д.А. Толстого о монастырской реформе, которая предполагала «ввести общежитие в православных монастырях империи, в коих оно доселе не установлено».⁸ Священный Синод вынес этот вопрос на обсуждение епархиальных архиереев, предложив им ответить на вопрос: «в каких именно из мужских монастырей и каким порядком полагали бы они ввести ныне же в действие Правила Общежития как доказанного временем и обстоятельствами наилучшего способа монастырской жизни».⁹ Обер-прокурор Священного Синода предлагал все мужские монастыри, за исключением Архиерейских домов, сделать общежительными, но «с некоторыми подразделениями». Небольшие монастыри, управляемые игуменами и строителями (и некоторые из больших), если они имели достаточные средства к своему существованию, намечалось обратить в общежительные без всяких исключений. В других обителях предлагалось «правилам общежития подвергнуть только простую братию, а настоятелям и казначеям предоставить право пользоваться от монастыря всем тем, чем они пользуются ныне, но без всякого увеличения тех или других средств, и с прекращением права завещать свое имение кому бы то ни было, как это делается ныне». В тех монастырях, «кои управляются или будут управляемы Преосвященными, поступившими на покой, предоставить настоятелем пользоваться всеми правами и тою же частью доходов и угодий, какими они пользовались доныне, а равно и наместникам их и другим монастырским властям, прочию же братию держать на правилах общежития».¹⁰ В случае признания возможным сделать монастыри

общежительными, в записке предлагалось сделать это одновременно повсюду, чтобы недовольных новыми порядками монахов лишить повода и возможности переходить из одного монастыря в другой. В записке высказывалось мнение, что полезно было бы обратить в общежительные и женские монастыри, «но это можно сделать только там, где есть особые средства к устроению и содержанию общей трапезы (что весьма редко), а так как вообще сестры большей части монастырей пропитываются только своим рукоделием и милостынею, то с запрещением им выхода из монастыря (что необходимо с учреждением общежития), они лишаются средств к своему существованию».¹¹

Новгородская духовная консистория потребовала от настоятелей необщежительных монастырей письменно изложить свое мнение по вопросу о введении в действие правил общежития. Архимандрит первоклассного Кирилло-Белозерского монастыря Иаков подробно высказал свою точку зрения по обсуждаемому вопросу. По его мнению, ни настоятелю, ни наместнику с казначеем не должно предоставляться право пользоваться от монастыря жалованьем и доходами. Архимандрит Иаков считал, что для преобразования штатного монастыря в общежительный необходимо учредить чин общей трапезы, общее хранилище одежды и обуви и общее казнохранилище. Руководствуясь уставом преподобного Кирилла Белозерского и благочиннической инструкцией, архимандрит Иаков в своем штатном монастыре в чине общей трапезы старался следовать общежительному уставу. Он следил за тем, чтобы «пища была одинаковая и равная», чтобы никто из братии не уклонялся от общей трапезы без уважительных причин. По кельям позволялось отпускать пищу «только по крайней необходимости, ради немощи и старости». Он учредил общее хранилище для одежды и обуви. Братиям, «склонным к неумеренности и невоздержанию», жалования и доходов на руки не выдавали, а на эти средства «благонадежный рухольный покупал заблаговременно нужное для платья и обуви». Необходимая одежда и обувь выдавались под расписку. По мнению архимандрита Иакова, в общежительном монастыре «рухольный во время ярмарок будет покупать нужное для одежды и обуви, его дело – приготовлять одежды простые и черные посредством портных, и обувь посредством сапожников». Все деньги, предназначенные на содержание братии, должны храниться в общем казнохранилище. Его можно разместить в ризнице «за печатью настоятеля и за ключом казначея». Все доходы, предназначавшиеся к разделу между братиями, («проскомидные и молебенные, жалованье, часть процентных по билетам») должны входить в общую сумму, которая расходуется на общую трапезу, одежду, обувь и другие нужды. В конце своего послания, датированного 12 сентября 1869 года, архимандрит Иаков высказал «смиренную просьбу: желательно было бы, чтобы в Кирилло-Белоезерском монастыре установилось общежитие без всяких исключений и по общежительному Уставу Преподобного Кирилла, его основателя».¹²

Учитывая, что настоятели необщежительных монастырей высказали желание встретиться с настоятелями общежительных обителей, чтобы обсудить вопрос, «как и на каком основании и при каких переходных средствах привести их необщежительные обители к правилам и порядкам общежительным», Новгородская духовная консистория сочла целесообразным провести собрания настоятелей в двух пунктах – в Новгороде и Кирилло-Белозерском монастыре. В соответствии с указом епархиальной консистории от 9 сентября 1871 года настоятели, прибывшие на собрания, должны были, «если признано будет возможным преобразовать некоторые штатные монастыри в общежительные, составить для оных, по взаимному совещанию, Правила». ¹³

25 ноября 1871 года архимандрит Иаков написал приглашение настоятелям общежительных Филиппо-Ирапской и Нило-Сорской пустыней на собрание по рассмотрению вопроса «о преобразовании штатных монастырей Кирилло-Белозерского и Моденского». К сожалению, нам ничего не известно о работе съезда, начало которого намечалось на 10 января 1872 года. ¹⁴

Ряд документов, сохранившихся в отделе письменных источников Кирилло-Белозерского музея-заповедника, позволяют сделать вывод, что попытка преобразования штатного Кирилло-Белозерского монастыря в общежительный во второй половине XIX века не увенчалась успехом. Об этом свидетельствуют «Именной список о выдаче штатного жалования настоятелю и братии Кирилло-Белозерского монастыря за первую половину 1882 года», «Ведомость о разделе кружечных и других доходов между настоятелем и братией Кирилло-Белозерского монастыря за вторую половину 1882 года». ¹⁵

Годовой оклад архимандрита в 1882 году составлял 281 рубль 2 копейки, оклады наместника и казначея составляли около 16 рублей, иеромонах без должности получал 6 рублей 90 копеек, рядовой монах и послушник – 3 рубля 72 копейки. Кроме того, из дополнительных доходов в этом же году архимандрит получил 1362 рубля, другие должностные лица (наместник, казначей, ризничий) получили от 114 до 140 рублей, рядовые монахи и послушники – от 52 до 56 рублей. ¹⁶

«Ведомость о числе монашествующих, послушников, проживающих на испытании и посторонних лиц, пользовавшихся монастырским содержанием, о приходе, расходе и остатке штатных и неокладных сумм наличными деньгами и билетами кредитных учреждений по монастырям в ведомстве Благочинного Архимандрита Иакова находящихся за 1893 год» по-прежнему называет Кирилло-Белозерский монастырь первоклассным, штатная сумма на содержание которого в 1893 году составляла 2147 рублей 40 копеек. В это время на содержании обители находилось 96 человек, в том числе настоятель, 10 иеромонахов, 5

иеродиаконов, 5 рядовых монахов, 7 послушников, 22 проживающих на испытании и 46 посторонних лиц, пользовавшихся монастырским содержанием¹⁷.

В брошюре «Памяти о. Архимандрита Иакова, бывшего настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря», изданной в Кириллове в 1906 году, указывалось, что архимандрит Иаков (Поспелов) «явился продолжателем деятельности архимандрита Кирилло-Новоезерского Феофана (Соколова), через которого известный ревнитель иноческой жизни митрополит Гавриил возобновил в белозерском крае иночество по общежительному уставу древних великорусских монастырей, ведущих свое начало от преподобных Сергия и Кирилла».¹⁸ Далее автор замечает, что «большого труда и многих обид и огорчений стоило ему дело, которому почивший старец предан был всею душою – дело введения в монастырях строгой, истинно-подвижнической жизни, вполне согласной с духом Устава монастырского».¹⁹

Некоторые настоятели монастырей, являвшиеся сторонниками общежительного устава, придерживались мнения, что «общежитие – учреждение Божественное, а штатные монастыри – человеческое». По мнению архимандрита Пимена, бывшего постриженника Кирилло-Новоезерского монастыря, ставшего в 1852 году настоятелем Николо-Угрешского монастыря, «в штатных монастырях невозможно было найти иноков, благочестиво живущих и непрятворно и искренно помышляющих о душевном своем спасении».²⁰ Неизвестный автор, написавший в 1880 году биографический очерк об архимандрите Пимене, считал его предубеждение против штатных монастырей необоснованным, «ибо есть многие из них, где благодаря внимательной взыскательности настоятелей, чин церковный и строй монастырский не только не уступают некоторым общежитиям (приходящим в упадок), но и далеко оставляют их за собой».²¹

Кирилло-Белозерский монастырь продолжал оставаться необщежительным и в начале XX века. «Ведомость о разделе сборного холста между настоятелем и братией Кирилло-Белозерского монастыря за 1902 год» подтверждает отсутствие общежития в Кирилло-Белозерском монастыре. В 1902 году для раздела предназначалось 1738 аршин холста и 106 полотенец, из них настоятелю архимандриту Феодосию соответственно 572 и 34, исправлявшему должность наместника и казначея иеромонаху Анастасию 98 и 4, заведующему хозяйственной частью иеромонаху Мартиниану 65 и 3, исправлявшему должность различного иеродиакону Димитрию 50 и 2²². В Книге для записи прихода и расхода неокладных сумм Кирилло-Белозерского монастыря за 1913 год указано, что 30 июля отчислено в пользу настоятеля и братии процентов 803 рубля 5 копеек, из них одна треть (267 рублей 68 копеек) – настоятелю, две трети (535 рублей 37 копеек) – «для раздела между братией монастыря»²³.

Как свидетельствовала «Ведомость о суммах, ассигнованных к отпуску из казны на штатное содержание по Новгородской епархии на 1906 год», Кирилло-Белозерскому монастырю выделялось 1861 руб. 69 коп.²⁴ (для сравнения: Горицкому женскому монастырю, относившемуся к III классу – 337 руб. 43 коп.).

В ведомости не указана Нило-Сорская пустынь, так как она в это время была общежительной. С 1805 по 1850 год Нило-Сорская пустынь находилась в ведении Кирилло-Белозерского монастыря. В декабре 1850 года пустынь получила статус самостоятельного заштатного общежительного монастыря. На его содержание шли доходы от земли (триста десятин), проценты с имеющегося капитала (2143 рубля), собственные средства «от сборов свечного и кружечного и от усердия богомольцев»²⁵. Настоятель пустыни игумен Иларион сообщал в декабре 1908 года епископу Кирилловскому Иоанникою: «Общежитие состоит в том, что вся братия пустыни и проживающие в ней на испытании в качестве богомольцев, кроме стола монастырского, отопления и освещения, получает от монастыря обувь, одежду, белье и на утешение выдается чай, смотря по роду послушаний и способностей, от 1/8 до 5/8 фунта в месяц».²⁶

Дело введения общежительного устава в монастырские обители России оказалось трудным и шло медленно. К 1896 году насчитывалось всего 46 мужских общежительных монастырей (из них 11 на Кавказе) и 101 женский.²⁷ К 1908 году общежительный устав действовал в 442 монастырях (в том числе в 196 мужских), не считая приписных и женских общин, т.е. примерно в половине всех монастырей и в основном – заштатных.²⁸

На страницах иллюстрированного ежемесячного журнала «Монастырь», издававшегося в Нижнем Новгороде для православного русского монашества, духовенства и паломников, в нескольких номерах 1908 года публиковались материалы на тему о значении монастырей и монашества для церкви и государства. В статье архимандрита Арсения под заголовком «Правда ли, что наши монастыри разлагаются», написанной «по поводу печатных нападок на монастыри», сообщалось: «Наши монастыри делятся на штатные и общежительные. Монастыри первого рода имеют ту особенность, что братия получает от монастыря, кроме трапезы полуденной и вечерней, еще так называемую братскую кружку, т.е. доход от служения обеден и треб распределяется между братией. Доля этого дохода в пользу отдельных лиц сильно разнообразится по разным местам России. В лаврах, в московских монастырях и в некоторых провинциальных (впрочем, лишь немногих) «кружка» иеромонахов, составляющих высший чин среди обитателей монастыря и наиболее почтенных по летам, иногда превышает 500 рублей...».²⁹

Далее сообщалось, что в большинстве монастырей доход иеромонахов составлял от 150 до 200 рублей. На эти деньги они должны были приобретать белье, обувь, чай, сахар,

лекарство и другое необходимое в жизни, «лишь редкий монах не пособляет материально своей бедной деревенской родне». «В бедных штатных монастырях, коих на Руси немало, иеромонашеская кружка понижается даже до 50 рублей», послушники получали 20–30 рублей в год.³⁰

В общежительных монастырях «частная собственность не признается, деньги на руки не выдаются, все необходимое для жизни монахов доставляется самим монастырем (Валаам, Глинская и Оптина пустыни, и др.)». В общежитиях никто из братии, кроме больных, не освобождался от физического труда, продолжительные церковные службы делали клиросное послушание более тяжелым, «недостаток денег не позволяет монахам думать о чревоугодии или скоплении капиталов, в таких монастырях нет места тунеядцам и пьяницам, экономическое благосостояние является доказательством трудолюбия братии».³¹

Первым в повестке дня Первого Всероссийского иноческого съезда, состоявшегося в 1909 году в Троице-Сергиевой лавре под председательством Никона, епископа Вологодского и Тотемского, был поставлен следующий вопрос: «Принимая во внимание, что общежитие всегда составляло высокий идеал монастырской жизни, как наиболее соответствующую и удобную форму для осуществления обетов нестяжания и послушания, общего труда и молитвы, не следует ли теперь же ввести его во все мужские и женские обители, а если сие сразу не может быть осуществлено во всей полноте и во всех обителях, то как приблизить весь строй и быт монастырский к строю общежительному, и в какой мере сие может быть сделано без вреда для преобразуемых обителей? Как оградить их от влияния со стороны монастырей, еще не преобразованных?»³²

Не все участники съезда разделяли мнение об обязательном преобразовании всех штатных монастырей в общежительные. Епископ Митрофан, викарий Орловской епархии, предложил «не обязывать все без исключения штатные монастыри во что бы то ни стало и вопреки желанию братии принимать общежитие, так как для городских и столичных монастырей это невозможно, и потому надлежит это предоставить усмотрению епархиальных архиереев».³³ Признавая, что общежитие более соответствует цели монашеского жития, он утверждал, что вводить его нужно постепенно и средствами подготовки к переходу на общежитие считал: «а) введение чина богослужения, принятого в общежительных монастырях; б) введение трапезы по общежительному порядку или установлению (чин о панагии и проч.); в) выдачу однообразной одежды и обуви от монастыря; г) соответственно увеличению расходов из монастырских средств на улучшение трапезы и на приобретение одежды и обуви уменьшать выдачу наличных денег до минимальных размеров с тем, чтобы после и вовсе прекратить».³⁴

Рассмотрев журналы заседаний съезда монашествующих, Синод принял определение от 12–26 июня 1910 года «По делу о бывшем съезде представителей монашества и о мерах к благоустройству мужских монастырей». Главной мерой совершенствования иноческой жизни Синод считал повсеместное введение общежительного строя. По постановлению Синода все вновь открываемые монастыри должны быть общежительными. В существующих монастырях, в том числе штатных, общежитие предполагалось вводить «постепенно, а там, где возможно, теперь же».³⁵

Вопрос о преобразовании штатных монастырей в общежительные продолжал обсуждаться в 1914 году на страницах журнала «Русский инок», издававшегося Почаево-Успенской Лаврой. В статье «Монастыри общежительные и штатные»³⁶ отмечалось, что в тех и других обителях монахам предоставляется «помещение, отопление, освещение и стол». В штатных монастырях «деньги на белье, одежду и обувь выдают на руки», и монахи самостоятельно должны их приобретать. По мнению автора статьи, в штатных монастырях «есть общее помещение и общая трапеза», поэтому «стоит только сделать общую одежду, а «кружку» выдавать не на руки, но обратить её в средство содержания всех, - и общежитию положено начало». В статье «Как завести в обители святое общежитие»³⁷ отмечалось, что, прежде всего, должна быть упразднена «кружка», которая почти всех делает сребролюбивыми. Вместе с тем отмечалось, что и в некоторых штатных монастырях могут подвизаться строгие подвижники.

Одним из них был архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иаков (в миру Василий Иванович Поспелов), управлявший обителю в течение тридцати лет, с 1866 по 1896 год. В 1987 году архимандрит Иаков был канонизирован, и его имя как уроженца Тульской губернии было включено в Собор Тульских святых. В 2009 году преподобный Иаков включен в Собор Вологодских святых. В январе 2016 года исполняется 120 лет со дня преставления преподобного Иакова Кирилловского, приверженца общежительного монастырского устава. (Фотография 1)

Фотография 1. Преподобный Иаков Кирилловский (1818–1896). Из книги «Памяти о архимандрите Иакова, бывшего настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря» (Кириллов, 1906)

Список архивных источников

1. РГАДА. Ф.1441. Оп.3. Д.1965.
2. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 17.
3. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 34.
4. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 35.
5. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 39.

Список литературы

1. Архимандрит Пимен. Биографический очерк настоятеля Свято-Никольского Угрешского монастыря. – Издательство ставропигиального общежительного мужского Свято-Никольского Угрешского монастыря, 1998. – 572 с.
2. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Вербум-М, 2002. – 320 с. ил.
3. Иеромонах Серафим. Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 года. Воспоминания участника. – М.: Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского, 1999. – 367 с.
4. «Монастырь», 1908. №9.
5. Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Исторические очерки./ Отв. ред. Н.В. Синицына; Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2002. – 346 с.
6. Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397-1625). – Т.2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение./ Подгот. изд. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, Т.И. Шаблова.– СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 436 с.
7. «Новгородские епархиальные ведомости». – 1906. №№6-7.
8. Памяти о. Архимандрита Иакова, бывшего настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря. – Кириллов, 1906.
9. «Русский инок», 1914, № 13, 14,15 и 16.
10. Смирнов, И.А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764-1924 годах. // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып.2. Вологда.: Русь, 1997. – 364 с.
11. Смирнова, А. В. Нило-Сорская пустынь. // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1994. – 362 с.
12. Цыпин Владислав, протоиерей. Русская Православная Церковь в синодальную эпоху. 1700-1917 гг. // Православная энциклопедия. Вводный том. М.: 2000.

Л.И. Глызина

научный сотрудник научного отдела

Кирилло-Белозерского историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника

-
- ¹ Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397-1625). – Т.2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – С.140.
- ² Там же. – С.171.
- ³ Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века.// Монашество и монастыри в России. XI-XX века. Исторические очерки. М.: Наука, 2002. – С.309.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Цыпин Владислав, протоиерей. Русская Православная Церковь в синодальную эпоху. 1700-1917 гг. // Православная энциклопедия. Вводный том. М., 2000. – С. 116.
- ⁶ РГАДА. Ф.1441. Оп.3. Д.1965.
- ⁷ КБИАХМЗ, ОПИ, Ф. 1.Оп. 1. Д.34. Л.7-16.
- ⁸ КБИАХМЗ, ОПИ. Материалы архивных изысканий из фондов ЦГАДА. М., 1987. Инв. № 1669. С.118.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. – С.119.
- ¹¹ ОПИ КБИАХМЗ. Материалы архивных изысканий из фондов ЦГАДА. М., 1987. Инв. № 1669. – С.119.
- ¹² ОПИ КБИАХМЗ. Материалы архивных изысканий из фондов ЦГАДА. М., 1987. Инв. № 1669. – С.126.
- ¹³ Там же. – С.127.
- ¹⁴ Там же. – С.232.
- ¹⁵ КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Д.39.ЛЛ.45-46, 47-49.
- ¹⁶ Смирнов, И.А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764-1924 годах. // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып.2. Вологда: Русь, 1997. – С.70,71
- ¹⁷ КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп. 1. Д.17. Л.62 об.
- ¹⁸ Памяти о. Архимандрита Иакова, бывшего настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря. – Кириллов, 1906. – С.5,6.
- ¹⁹ Там же. – С.14.
- ²⁰ Архимандрит Пимен. Биографический очерк настоятеля Свято-Никольского Угрешского монастыря. – Издательство ставропигиального общежительного мужского Свято-Никольского Угрешского монастыря, 1998. – С.93.
- ²¹ Там же.
- ²² КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Д.39. Л.69-70.
- ²³ КБИАХМЗ, ОПИ, Ф.1, Оп.1. Д.35, Л.74.
- ²⁴ Новгородские епархиальные ведомости. – 1906. №№6-7. – С.221.
- ²⁵ Смирнова, А. В. Нило-Сорская пустынь. // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1994. – С.146.
- ²⁶ КБИАХМЗ, ОПИ, Ф.1. Оп.1. Д.17. Л.115 об.
- ²⁷ Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века.// Монашество и монастыри в России. XI-XX века. Исторические очерки. М.: Наука, 2002. – С.309.
- ²⁸ Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. – С.236.
- ²⁹ «Монастырь», 1908. №9. – С.30.
- ³⁰ «Монастырь», 1908. №9. – С.31
- ³¹ Там же.
- ³² Иеромонах Серафим. Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 года. Воспоминания участника. – Москва. Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского. 1999. – С.26.
- ³³ Там же. – С.134.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. – С.235.
- ³⁶ «Русский инок», 1914, № 13. – С.812.
- ³⁷ «Русский инок», 1914, № 14,15и16. – С.85.